

(Из рассказов военного корреспондента)

К. Лапин

Художник В. Гомеров

Не так давно я получил толстый пакет Анатолия Степановича Ломакина, моего старого фронтового знакомого.

Подробно на двенадцати листках, испи-
санных с двух сторон размашистым наклон-
ным почерком, письмо рассказывало о по-
ездке Ломакина в район озера Селигер, где в
конце сорок первого года погиб его сын
Юрий. Деловитое, несколько
напоминающее по своему стилю боевое
донесение, письмо почти обрадовало меня:
старый воин, кажется, обрел если не покой,
то хотя бы известное душевное равновесие.
В пакет были вложены фотографии
живописных окрестностей озера Селигер,
деревни Залесье, где стояла во время войны
рота Юрия Ломакина, братской могилы на
околице. К письму была приложена
сделанная от руки схема последнего боя, в
котором сражалось отделение старшины
Юрия Ломакина, с анализом боевых дей-
ствий соседних подразделений.

Письмо Ломакина напомнило мне наше
совместное невеселое путешествие в дни
войны по следам погибшего сына Анатолия
Степановича. В то время я не писал об этой
нашей поездке, слишком мало узнали мы и
нашли. Но теперь, когда известны многие
недостающие детали, когда образ отца,

вставшего на место сына в строю, видится
так живо и ясно, мне хочется рассказать о
нем читателю.

1

В ту зиму редакция красноармейской га-
зеты 2-го Прибалтийского фронта размеща-
лась в деревне Федоровке, через которую
проходил большак на Великие Луки, неза-
долго перед этим освобожденные от врага.
Изба, где мы жили с редакционным худож-
ником Федором Глебовым, стояла на высо-
ком бугре у самой дороги, что имело свои
плохие и свои хорошие стороны. Лютые
ветры, гуляющие по бугру, выдували сквозь
щели в рамках всё тепло, сколько бы ни
топила наша хозяйка. Зато мы раньше
других в редакции знали все новости:
шофёры машин, с трудом одолевших
подъем, забегали к нам за водой, чтобы
залить кипящий радиатор; запоздалые
путники заходили погреться.

Поздним декабрьским вечером тысяча
девятсот сорок третьего года в дверь кто-то
постучал. Федя пошел открыть. В клубах
морозного воздуха возникла невысокая
фигурка

в запорошенной плащ-палатке, накинута
поповерх шинели.

—Входите быстрей! Избу выстудите...

Войдя в горницу, незнакомец ослабил

завязки плащ-палатки и скинул ее; промерзший брезент не гнулся, и плащ-палатка осталась стоять колом у лавки. Пехотная, выдавшая виды шинель вошедшего заиндевелила на груди двумя полушариями, мелкий снежок забился под ремни, которыми туго, по-кавалерийски, был перетянут тонкий стан офицера. На жестких усах налипли сосульки, подбородок был красный, словно его натерли кирпичом. И хотя человек этот держался браво, с той железной выправкой, по которой всегда можно узнать кадрового русского офицера, видно было, что он долго ехал или шел, устал и промерз.

— Капитан Ломакин! — представился гость, приложив руку к шапке; голос у него был глуховатый, но четкий.— Простите, что побеспокоил вас в такое позднее время. Вот мои верительные грамоты...— Капитан протянул свои документы.— Мне нужно попасть

в...— он бросил взгляд на печку, с которой выглянула всклокоченная голова старухи хозяйки, и шепотом назвал деревню, где помещался отдел кадров фронта.

— Это километров семь отсюда,— сказал я.— Попутную машину вы сейчас уже не найдете... Располагайтесь на отдых, места всем хватит! Федя, доставай-ка гостевой тюфяк!

— Мне ничего, не нужно... Не беспокойтесь, пожалуйста!

Но Фёдор, не слушая гостя, уже снял со своей койки второй тюфяк, быстро устроил постель на лавке и, извинившись, лег спать, он только недавно вернулся из части на открытой грузовой машине и никак не мог согреться.

— Пожалуй, действительно, я останусь у вас,— согласился наконец капитан.— Когда ты седьмые сутки в пути, не спишь и не отдыхаешь, как следует, не вредно растянуться минуток эдак на пятьсот до того, как предстать пред ясные очи высокого начальства.

Шутил он в несколько старомодной манере, да и сам оказался немолод. Глубокие морщины у глаз говорили, что нашему гостю, пожалуй, все пятьдесят, не меньше. Но глаза блестели молодо, волевой подбородок и резкая складка у рта свидетельствовали о сильном, энергичном

характере.

— Самоварчик вздуть, что ли?— подала с печи голос хозяйка.

— Спасибо, ничего не нужно! Пожалуйста, не беспокойтесь!— Капитан снова перешел на шепот.— В походе, да еще на морозе, я вообще избегаю потреблять лишнюю жидкость. А вот поужинать, как говорится, не вредно.— Он вынул из вещмешка брусок сала, завернутый в чистую холстинку, расстелил ее вместо салфетки на столе, затем достал начатую буханку хлеба, банку консервов.— Не составите компанию?

— Благодарю вас, мы только что поужинали. В печи должна быть горячая картошка.

Услышав про картошку, старуха хозяйка слезла с печки и, как ни отказывался капитан, заставила его взять несколько горячих, запекшихся с одного бока картофелин... — Роскошно живете!— капитан кивнул на электрическую лампочку.

— В редакции свой движок.

Узнав, что он находится на территории редакции фронтовой газеты, гость оживился,

стал расспрашивать о новостях в литературе, похвалился своим, приобретением — сборником «Родина», в котором были опубликованы патриотические высказывания виднейших русских писателей. По той бережности, с которой он вынул из вещмешка книгу, обернутую газетой, и показал её красный сафьяновый переплет, можно было, сразу признать в нем книголюба.

О себе капитан Ломакин рассказал коротко, односложно. Такого то числа выехал из С. В Москве хорошо, всё спокойно. В великих Луках их эшелон бомбили, пассажирам пришлось рассыпаться по полю; одна бомба угодила в госпитальный состав, стоявший на запасном пути, и капитан вместе с медперсоналом помогал эвакуировать вторично раненых. Словом, ничего особенного.

- Я вижу у вас тут новые журналы, -

Ломакин показал на стол.— Разрешите посмотреть, если не усну сразу?

— Пожалуйста.

Капитан долго умывался над тазом, потом, сняв гимнастерку, внимательно осмотрел все швы, поднося ткань к самой лампе. Увидев, что я наблюдаю за ним, он сконфузился:

— Простите! Привычка окопника.

Среди ночи я проснулся. Наш гость читал, держа щитком ладонь у глаз. В избе было холодно, он накинул шинель на плечи. И еще раз проснулся я уже перед рассветом. Капитан сидел в той же позе, только теперь он не читал, а что-то неторопливо переписывал в толстую тетрадь, поглядывая в журнал. Что меня удивило больше всего — это прозрачная капля, повисшая на мизинце его руки, прижатой ко лбу.

Словно почувствовав на себе взгляд, писавший вдруг отнял ладонь от глаз и, прищурившись, стал всматриваться в темноту. Его лицо, казалось, осунулось и постарело за эту ночь.

— Простите, я разбудил вас?

И голос у него был глуше, словно бы надтреснутый.

— Вы тут ни при чем, товарищ капитан. Это моя дурацкая привычка — курить среди ночи... Вы что-то переписываете?

— Поэму «Сын»...

Зачем же переписывать, я бы вам журнал подарил.

Он молчал.

— Понравилась поэма?

Капитан Ломакин положил автоматическую ручку на стол.

— О подобных явлениях не скажешь одним словом: понравилась, не понравилась. Я вот сидел, переписывал, а казалось, по строчкам жизнь свою пробегал... Мой сын будто ожил. Вот он в колыбели, вот его первые игрушки, рисунки «про войну»... Потом авиамодели, допризывная подготовка, уход в армию... И показалось вдруг мне, что это я написал сам, о своем сыне...— Он вдруг смутился.— Не поймите меня, бога ради, в том смысле, что я сам так хорошо мог бы написать... Я пробовал... Не получилось... А вы автора поэмы знаете?

Я рассказал всё, что знал о поэте, потерявшем в первый год войны своего единственного сына и сумевшем самую «боль свою призвать к оружию», как он писал в поэме.

— Да, да!.. Я был прав, совершенно прав,— задумчиво проговорил капитан.— Поэзия — удел избранных натур. Как сказал поэт: «Звуки умертвив, музыку я разъял, как труп. Проверил я алгеброй гармонию»... А мы — солдаты, наша гармония Суворовым сложена: «Чем сподручней — тем и бей!». И совершенно правильно я делаю, что попросился в строй на свое место. Вернее, на Юркино опустевшее место в строю.— Кончая разговор, он встал.— Где у вас тут колодец, а то я вчера всю воду извел?

— А спать когда будете? Вам же к начальству...

— Какой уж теперь сон... Хозяйка давно корову доить ушла. На месте отосплюсь ужо. О-ох — Не удержавшись, он зевнул, извинился и стал приседать на месте, делая разминку.

Проснувшаяся внучка старухи хихикнула, увидев с печи, как посреди избы приседает незнакомый усатый дядька. Капитан дал ей большой кусок сахара,— завернутый в бумагу.

Побрившись, он вымылся до пояса, надел свежее белье, почистил сапоги бархаткой, которая была припасена у него в сумке.

За завтраком с нами сидел бравый, подтянутый офицер: ни тени усталости, ни следа бессонной ночи на его моложавом лице.

Было еще рано идти в секретариат. Фёдор Глебов, сидя на своей койке, рисовал капитана, взглядывая на него сбоку. Ломакин, уступив моей настойчивой просьбе, рассказывал о себе и своем сыне.

Двадцати лет Анатолий Ломакин, в то время молодой учитель, влюбленный в свой предмет — литературу, ловкий танцор и гимнаст, попал на войну. Было это в 1915 году. Отлично тренированный, умеющий управлять не только своим телом, но и нервами, не знавший ни страха, ни усталости, он скоро стал известен на своем участке фронта как удачливый разведчик. Рядовой, потом младший офицер, наконец, начальник команды конных разведчиков, кавалер трех орденов — таков боевой путь офицера. В последний год войны, сражаясь на русско-турецком фронте, Ломакин получил тяжелую контузию и несколько месяцев пролежал в госпитале. Вылечившись, он пошел добровольцем в Красную Армию, но последствия контузии давали о себе знать: Ломакин вынужден был демобилизоваться.

Вернувшись в родной город, лихой разведчик и кавалерист стал бухгалтером, женился, насадил фруктовые деревья на пустыре за своим домиком в нагорной части города. Анатолий Степанович полюбил летними вечерами, наработавшись в саду, сидеть на каменной скамье под старым орехом. Сыновья — их было трое, один к одному, как молодые дубки, — садились вокруг отца и словно сказку слушали его рассказы о ратных походах, боях и схватках.

Посторонний человек, пожалуй, не поверил бы в эти рассказы: да полно, мог ли этот скромный, деликатный до застенчивости бухгалтер захватывать в ночном поиске «языка», отбиваться шашкой от заседавших турецких аскеров?.. Была у Анатолия Степановича почетная боевая шашка с зазубринами от чужих клинков, но сдал ее хозяин в 1918 году в комиссариат. Не сохранились и ордена: в голодный год жена сменяла их на пшено и ржаную муку.

Но разве Анатолий Степанович не крутил до сих пор «солнце» на турнике, не отставая

от сыновей? Разве не открывал он со своими парнями купальный сезон в городе? Ломакины прекращали купание лишь тогда, когда становилось невозможно спускаться в воду из-за тонкой ледяной кромки у берега.

Росли деревья в саду Ломакина, подрастали и сыновья. А каким красавцем становился первенец Юрий — статный, кареглазый, с русой головой! Он был первым среди своих» братьев и товарищей, никто из них не прочел столько книг, сколько он, ничьи авиамодели не летали дальше, чем его. Зря не скажет слова лишнего, а если дал слово — сдержит.

В тысяча девятьсот тридцать девятом году Юрия призвали в Красную Армию. В первые дни Великой Отечественной войны старшина Юрий Ломакин, оставленный в кадрах полковой школы, как отличник боевой подготовки, подавал командованию рапорт за рапортом с просьбой отправить его в действующую армию. Отец знал об этом — сын писал ему обо всех своих намерениях — и в глубине души поддерживал его.

Анатолий Степанович и сам просился на фронт, особенно он стал ходатайствовать об отправке на Северо-западный фронт, когда туда направили Юрия.

— Делайте свое дело! — неизменно отвечали ему в военкомате. — Хватит у нас и молодых воинов. А понадобится старая гвардия — сами позовем.

Солнечной осенью сорок первого года Ломакины собирали сыну посылку: теплые носки и варежки, связанные женой Анатолия Степановича, яблоки с дерева, которое сажал Юрий (впервые оно начало плодоносить в этом году), домашнее печенье. Но дошла ли посылка — никто не знал: под самой Москвой разгорелись тяжелые бои, гитлеровцы прорвали фронт на юге.

И пришел день, когда бывший кадровый офицер Ломакин оказался нужнее, чем бухгалтер Ломакин.

Командир арьергардного отряда саперов капитан Анатолий Степанович Ломакин испытывал горечь отступления, он взрывал под носом у врага мосты, минировал дороги и переправы. Разрывы слышались за его спиной... Но вскоре звуки боя

переместились вперед, на запад.

Зимней лунной ночью верхом на вороном коне въезжал капитан Ломакин в родной освобожденный от врага С. Не так уж долго хозяин не был дома, но сколько перемен! Постарела от слез и горя жена Анатолия Степановича; гитлеровцы издевались над ней, найдя в доме фотографии сыновей в военной форме. В саду померзли яблоньки,— их некому было укрыть в суровые холода. Но самая страшная весть пришла позже, когда восстановилась нормальная почтовая связь. Вот оно это извещение:

«Ваш сын, Ломакин Юрий Анатольевич, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, пал смертью храбрых 25. XI. 41 г. Похоронен в Калининской области, Осташковский район, юго-вост. дер. Залесье, в 200 м от дороги, влево 200 м».

Трудно, невозможно было поверить, что Юрия, прекрасного, доброго юноши, который только что начал жить, нет больше на земле. Нестерпимо захотелось убедиться своими глазами з страшной правде, найти могилу, над которой выведено родное имя. Хотелось во весь голос прокричать о своем горе и скорби, хотелось поведать всей земле советской, какого сына она потеряла!..

Но, видно, не был поэтом Анатолий Степанович, не шли из под его пера стихи. Свои мысли и чувства он лучше выразил в коротком, как выстрел, рапорте на имя наркома обороны. Старый воин просил одного: зачислить его в стрелковый, родной отныне полк, на место сына... Как раз в ту пору, получив известие о гибели сына, Анатолий Степанович вступил в кандидаты ВКП(б). Юрий незадолго перед своим последним боем сообщил в письме отцу о том, что должен скоро из рядов ВЛКСМ перейти в ряды ВКП(б)... Не могли пустовать эти ряды: место выбывшего занимал живой?

Третий по счету рапорт достиг цели: капитан Ломакин получил разрешение

следовать в полк сына. По дороге на северо-запад страны ему пришлось пережить тяжелое искушение. Поезд проезжал как раз по тем местам, где совсем недавно проходил сын Ломакина; за окном бежали сосны и ели, которые кланялись его Юрию; где-то совсем недалеко отсюда, за озером Селигер, была могила сына. Но Ломакин был офицером, в его планшете лежало предписание явиться такого-то числа туда-то... Задерживаться в пути не приходилось.

3

Ответственный секретарь редакций, которому я коротко рассказал историю моего ночного посетителя, накинусь на меня: как я, газетчик, мог

отпустить капитана из расположения редакции, не заставив его написать хоть несколько строк для нашей газеты!

— Завтра мы как раз даем полосу о воинском долге, ваш капитан Ломакин— именно то, что мне нужно! Сейчас же берите машину и мчитесь в отдел кадров фронта,— может быть, вы еще застанете, его там!— приказал он.— А нет — поедете за ним в часть. Мне нужно письмо за его подписью. И портрет Ломакина.

Портрет уже готов,— сказал я, вспомнив о зарисовке Глебова.— Федя сделал.

— Хорошо, на первый случай ограничимся подтекстовкой к рисунку,— секретарь повеселел.— А не махнуть ли вам вместе с капитаном в часть его сына? На фронте затишье, интересных событий в ближайшее время не предвидится, а там, может быть, встретите что-нибудь интересное для газеты...— Сняв трубку, он тут же договорился

по телефону с редактором о моей командировке.

Капитана Ломакина я разыскал в отделе кадров фронта и не без труда упрямил написать несколько слов приветия молодым фронтовикам.

В конце следующего дня мы с Ломакиным добрались до нужной ему дивизии,

занимавшей оборону на дальнем правом фланге фронта. Едва мы вошли в первую штабную

землянку в лесу, молодой писарь, уставившись на капитана, громким шепотом сообщил, кому-то за перегородкой из плащ-палатки:

— Капитан Ломакин приехал... Который на место сына...

Анатолий Степанович заметил повышенный интерес к своей особе, но не сразу сообразил, в чем дело. Я-то понял в чем дело: газета, доставлявшаяся на дальние участки фронта самолетом, обогнала нас. Попросив свежий номерок газеты у писарей, я не без торжества показал его капитану.

Увидев свой портрет, под которым была расширенная подпись, Ломакин густо покраснел, а когда мы вышли, сказал:

— Ну зачем это всё? Я ж вам не для того рассказывал... Эх!

По дороге в полк, куда мы ехали в сопровождении связного верхом на лошадях, он всё журил меня:

— Зря, зря весь этот шум вокруг меня, ей-богу!.. Право, совестно... И потом,- голубчик, у вас там фактическая неточность. Орден Владимира не «с крестами и бантами», как пишете вы, а «с мечами и бантами»...

Дорога шла вдоль берега незамерзшей Ловати. По черной воде с шорохом двигалась ледяная шуга. Серые тучи низко стелились над землей, предвещая перемену погоды. Глухо бухали пушки, словно где-то в отдалении неведомый великан перекачивал с места на место огромные бочки с камнями.

Штаб полка помещался в отбитых немецких блиндажах, вырытых в стене откоса высокого правого берега. Пока Ломакин ходил представляться командиру полка, предупрежденному по телефону о нашем приезде, я разыскал землянку парторга.

Парторг полка майор Воронин — молодой, черноволосый, с двумя боевыми ордена-

ми на гимнастерке, сидел с ногами на нарах, держась за щеку: у него отчаянно болел зуб.

Я рассказал майору о цели своего приезда. — Надо в «Боевой путь полка» заглянуть... О-ох, до чего ж ноет! — Он сплюнул на пол,

застланный сосновыми ветками.— Чехов сказал: «Ко всему может человек привыкнуть, кроме зубной боли». Парторг снял с полки альбом в кожаном переплете. Здесь были схемы боев, фамилии и портреты героев полка. Имени Ломакина мы не нашли.

— Тяжелые бои были в ноябре сорок первого, сам понимаешь, какие потери мы несли,— сказал майор, словно извиняясь.— Пстой-ка, пстой... Он ведь комсомолец третьей роты был, этот Ломакин! — Парторг взял другую книгу, в красном сатиновом переплете.— Я тогда сам комсоргом был... Вот они — орёлики мои: Бабашев, Греякин, Куров, Литвинов, Ло... Тут неясно написано; не то «Ломакин», не то «Лопатин». — Он поднес книгу к лампе.— Скорее всего «Ломакин». Сейчас мы подправим немножко, чтобы никаких сомнений не было,— и парторг вечной ручкой исправил неясно написанную букву.

Перелистал он также страницы своей весьма потрепанной записной книжки, и тут его поиски увенчались успехом. На одной из страниц книжки майор нашел полустертую карандашную запись: «Ст-не Ломакину Ю.— довести ноябр. приказ до всех комс. роты». Рядом стояла галочка: «выполнено».

Как ни мало говорила эта запись, капитан Ломакин, разыскав меня у парторга, долго изучал ее, повернув книжку к свету, чтобы скрыть от нас лицо. Успокоившись несколько, он переписал текст в свою тетрадь, потом принялся изучать схему продвижения подразделений в бой, в котором погиб его сын. Лишь исправленная свежими чернилами фамилия в истории комсомола полка, видно, смутила его: эту запись он не стал выписывать.

— Я вот смотрю, смотрю на вас, товарищ капитан, и сынка вашего припомнил, честное слово! — сказал парторг, приглядывавшийся к гостю.— Он повыше вас был и в теле пошире, а глаза голубые.

Капитан Ломакин, склонившийся над картой, ничего не ответил.

Майор продолжал:

— Эх, если б под Залесьем другие наши подразделения выполнили свою боевую задачу, как третья рота, - всё по-другому

было бы. К нам тогда молодежь пришла из пополнения, народ горячий, отважный, но не обстрелянный... Третья рота фактически собой жертвовала, выполняя приказ командования. Капитан поднял голову, глаза его смотрели строго, словно спрашивали: а это правда?

— Отсюда, с Селигера,— майор Вороний показал на карту,— мы и начали наступление. Сейчас, взгляните, почти к государственной границе вышли... Н-да! Там, под Москвой, ход всей войны определился.

— Спасибо!— Ломакин порывисто пожал его руку.— Спасибо, товарищ майор!

— За что, товарищ капитан?.. А в том-бою под Селигером я сам чуть ноги не потерял, честное слово! Вконец поморозил их, пока лежал на снегу раненый. Так потом ныли, точно их кипятком ошпарило. О-ох-ты!— он схватился за щеку.— И всё же меньше болели,- чем этот зуб проклятый!

— А вы пробовали водкой полоскать? — спросил капитан.— Наберите полный рот шнапсу, подержите минуток пяток, а потом выплюньте. Еще лучше — проглотить! Испытанный способ!

Майор испробовал этот способ раз, другой и скоро уснул. Устроился на верхних Нарых и я. А капитан не ложился, он всё листал историю части, перерисовывая схемы интересующих его операций в свою толстую тетрадь... Похоже было, что он и в эту ночь не уснет.

4

Наутро автоматчик проводил нас в роту, старшиной которой был когда-то Юрий Ломакин. За ночь сильно потеплело, валенки проваливались в талый снег, под ногами оставались черные вдавлилки, быстро заполнявшиеся водой.

Удивительная всё же выдержка была у моего спутника! Он не спал вот уже вторые сутки, устал, промок — и хоть бы что. Идет своим упругим, неторопким шагом, осматривается, изучая место и, видно, запоминает всё, что заметит. Вот он покачал головой при виде открытой позиции артиллеристов на опушке. В другом месте — поправил соскользнувший с шеста провод связи.

На развилке дорог пришлось минут пят-

надцать пролежать на мокром снегу, пока длился бестолковый вражеский артналет. Не очень приятно было лежать, слушая близкие разрывы и чувствуя, как холодная влага добирается до белья.

— Зря полтонны металла выбросили! — только и сказал капитан, когда артналет кончился и мы снова зашагали вперед.

Увидев среди лесного полузамерзшего болота хижина, обложенные понизу дерном, Ломакин по-настоящему огорчился. Верхний снежный покров болота растаял, по желтому льду со вмерзшими сухими травинками растеклись рыжие лужи, ротные хижина казались островками среди разлива. Вода хлюпала под хворостом, которым был устлан пол командирского шалаша-хижины.

— Как в Венеции живем, только гондол нет!— пошутил чубатый красавец, командир роты Киселев, здороваясь с нами...— Сейчас митинг проводить будете или раньше пообедаете?

Ему уже, видно, позвонили из штаба полка.

— Какой митинг!— запротестовал Ломакин.— Я только пройду по постам, если разрешите...

Рота капитана Киселева занимала оборону вдоль лесной опушки, заросшей кустарником. Окопов здесь не рыли — их сразу бы заполнила болотная вода: бруствер был выложен из дерна и ледяных глыб, источенных капелью. У бойниц по углам стояли дозорные: стволы пулеметов были обращены в сторону дальнего леса, где находились вражеские позиции. Одиночные винтовочные выстрелы гулко раздавались в лесу. Это был передний край фронта.

Капитан Ломакин присел поближе к ручному пулемету, проверяя сектор обстрела. Заглянув в

ящик с гранатами, он спросил пулеметчика: что тот стал бы делать, если бы противник обошел его сзади? Солдат отвечал толково. Когда мы уходили, сзади послышался шепот:

— Инспектор?

— Та ни, це ж капитан, шо за сынка мстить!..

— Ничего, бодрый папаша!..

У капитана Киселева нас ждал обед.

— А жиденская у вас оборона, особенно фланги,— заметил Ломакин командиру

роты, садясь за стол.

— У противника и того нет, мы прощупали... Чует, собака, что прорывать в другой точке будем.— Киселев заулыбался вдруг, как школьник, вспомнивший веселую проказу.— Вчера мои орёлики пулемет у гитлеровцев утащили вместе с ефрейтором. Как он плакал, бедняга! Я спрашиваю: «Чего плачешь, Ганс? Плохо тебе не будет, поедешь в тыл, арбейтен будешь!» А он мне отпускное свидетельство показывает: ему аккурат с сегодняшнего дня полагался предновогодний отпуск...

— Значит, сегодня можно ждать их ответного визита,— сказал Ломакин.

— Жду уже...— Командир роты стал серьезен.— Вынес боевое охранение подальше за кусты. Посты усиливаю на ночь...

Митинг все-таки состоялся. Солдаты третьей роты собрались у командирского шалаша. Анатолий Степанович видел розовые, еще не знавшие бритвы щеки молодых воинов и усы ветеранов, новенький овчинный полушубок франтоватого командира взвода и бывшие некогда белые халаты разведчиков, надетые поверх ватников...

— Товарищи, боевые друзья мои, перед вами — старый солдат!— начал капитан.— Еще до Октябрьской революции, когда многих из вас на свете не было, я служил в полку, который насчитывал двести семьдесят пять лет существования. Мой дед сражался под знаменем этого полка во время героической обороны Севастополя. Двадцать пять знамен получил полк за боевые отличия. Со священным трепетом я, молодой в ту пору солдат, стал впервые на почетный пост у знамени...— Он помолчал, словно собираясь с силами.— Некоторые из вас, возможно, слышали, почему я прибыл именно в эту часть. Знамя вашего полка прославлено подвигами воинов в первые годы Великой Отечественной войны. На нашем знамени — кровь героев, кровь моего сына... моя кровь. Так клянусь вам, боевые товарищи мои, что не посрамлю, это святое знамя!

Он снял шапку. Некоторые из молодых солдат последовали было его примеру, но, увидя суровые лица ветеранов, стоявших навытяжку, поспешно надели шапки.

— Я очень любил своего сына... Те из вас, кто имеет своих детей, поймут меня без слов... Но, быть может, именно потому, что мой Юрий и его друзья защитили своей жизнью истоки нашей великой русской реки Волги, фашисты не прошли у Сталинграда, не прошли на юг, а сейчас изгнаны с большей части территории нашей родины. И вот, дорогие друзья, что я хотел вам сказать: отныне полк сына — мой полк, рота, в которой он служил,— моя рота. Обещаю заботиться о вас, как командир и отец. Но если будет нужно, я пошлю вас в огонь, как послал бы родного сына, если бы он был жив.

— Голос его постепенно окреп, маленькие сухие ладони сжались в кулак, который он выбрасывал вперед во время своей речи.

— И сам первый пойду в огонь, если будет нужно.

Понимали солдаты сердцем, что не просто слова говорит этот немолодой уже капитан. Такой пойдет, не моргнув глазом, в огонь. И грозно прозвучало на лесной поляне приглушенное «ура», а станковый пулемет застучал на опушке, словно захлопал в стальные ладоши.